

ОТДѢЛЬНЫЙ ОТТИСКЪ СЕНТЯБРЬСКОЙ КНИЖКИ ЖУРНАЛА
„Всемірный Вѣстникъ“.

53

А. В. Амфитеатровъ.

СВЯТЫЕ ОТЦЫ РЕВОЛЮЦІИ.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

М. А. Бакунинъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и Ко), Фонтанка, 117.
1906.

Святые отцы революции.

I.

М. А. Бакунинъ.

Михаилъ Александровичъ Бакунинъ ровесникъ Михаила Юрьевича Лермонтова. Одна и та же эпоха выработала для міра наиболѣе европейскаго изъ русскихъ поэтовъ и наиболѣе европейскаго изъ русскихъ политическихъ дѣятелей. Между ними много личной разницы и еще больше типического сходства. Если хотите, Бакунинъ—живое и замѣчательно полное воплощеніе той положительной половины Лермонтовскаго генія, которымъ опредѣляется его творческое разрушеніемъ создающее, революціонное значеніе. Въ Бакунинѣ не было ничего Байроническаго—тѣмъ болѣе на тонь и ладъ русско-гвардейскаго разочарованія тридцатыхъ годовъ. У него не найдется ни одной черты общей съ тѣмъ Лермонтовымъ, который отразился въ Печоринѣ и „Демонѣ“, но зато онъ всю жизнь свою прожилъ тѣмъ Лермонтовымъ, который создалъ пламя и вихрь „Мцыри“. Если позволите такъ выражаться, онъ—Лермонтовъ безъ эгоистического неудачничества и безъ субъективныхъ тормазовъ, Лермонтовъ, обращенный лицомъ впередъ, къ будущему, безъ грустныхъ оглядокъ на прошлое, безъ „насмѣшекъ горькихъ обманутаго сына надъ промотавшимся отцомъ“, Лермонтовъ, взятый внѣ современной дѣйствительности и весь устремленный въ грядущія поколѣнія, которые расцвѣтаютъ для него яркими красными розами безсмертной свободы.

Онъ зналъ одной лишь думы власть,
Одну, но пламенную страсть...

По всей вѣроятности, Лермонтовъ, если бы дожилъ до жѣтъ политической зрѣлости, оказался бы силою революціон-

ною и, быть можетъ, гораздо болѣе мощною и эффеќтною,— даже, главное, эффеќтною,— чѣмъ самъ Бакунинъ. Въ Михаилѣ Александровичѣ, по безпредѣльной широтѣ души его и по неизмѣримому добродушію, всегда имѣлось преобширное пространство для шаговъ отъ великаго къ смѣшному, чего въ сумрачной, презрительной, скрытной и себялюбивой наатурѣ Лермонтова совсѣмъ не было. Лермонтовъ былъ человѣкъ съ громадно развитымъ инстинктомъ самосохраненія противъ комическихъ и неловкихъ положеній: качество—для политического дѣятеля необычайно важное, изъ первозначущихъ; въ этомъ отношеніи Лермонтову помогала печоринская половина его характера. Наоборотъ, Бакунинъ родился на свѣтъ съ полнѣйшею атрофией способности остерегаться и различать возможности своихъ *faux pas*. Въ теченіе сорока лѣтъ своей революціонной практики, онъ только и дѣлалъ житейски, что спотыкался, падалъ и вставалъ, чтобы опять упасть на какой-нибудь трагикомический непредвидѣнной колдобинѣ, и снова подняться. И все это съ поразительною бодростью никогда не унывающаго самосознанія, съ веселымъ хохотомъ надъ собственною неудачею и съ неукротимою энергией вѣровать и дѣйствовать на полѣ проиграннаго сраженія—во имя и для лучшихъ временъ. Очутись Лермонтовъ въ положеніи Бакунина, хотя бы во время несчастной морской экспедиціи Домонтовича и Лапинскаго на помощь возставшимъ полякамъ 1863 г., онъ не выдержалъ бы такого острого удара по самолюбію и сдѣлался бы или преступникомъ, убійцею—мстителемъ за неудачу, или самоубійцею съ угрюмаго, однокаго отчаянія. Бакунинъ переварилъ свинецъ и этой нравственной тяжести. Онъ только погрызся малую толику съ Огаревымъ и Герценомъ, а въ особенности съ Герценомъ-младшимъ, Александромъ Александровичемъ. Письма друзей къ Бакунину въ это время, да и вообще при всѣхъ егъс безчисленныхъ „провалахъ“, замѣчательны по тону: это посланія не равныхъ къ равному, но строгихъ, умныхъ, развитыхъ родителей къ талантливому, но слишкомъ живому и легкомысленному ребенку, который, получивъ самостоятельность, пользуется ею лишь затѣмъ, чтобы дѣлать вреднѣйшія шалости и ломать дорогія игрушки. Бакунинъ былъ во многомъ виноватъ, но только бакунинское добродушіе могло снести тотъ тонъ свысока, какимъ Герценъ и Огаревъ отчитывали его за вины его. Съ Лермонтовымъ одинъ намекъ

на подобный тонъ повелъ бы къ дуэли. „Большая Лиза“, какъ звали Бакунина Герценъ и Мартыновъ, только слушала и „утиралась“. Именно это выражение—„утерся“—употребилъ Огаревъ въ письмѣ своемъ о ссорѣ Бакунина съ Катковымъ. Мы будемъ ниже говорить объ этой исторіи. Вообще, пассивность предъ оскорблениемъ личности, часто даже прямое непониманіе такъ называемыхъ унизительныхъ положеній, полное отсутствіе индивидуального самолюбія по буржуазному кодексу—самая замѣтная черты бакунинскаго характера, съ первого раза странно удивляющія, даже поражающія и, пожалуй, шокирующія непривычнаго изучателя. Я не знаю человѣка, который болѣе Бакунина проводилъ бы въ жизнь ту скептическую и насмѣшливую теорію о „вопросахъ чести“, что такъ неотразимо убѣдительно и убѣдительно для этой „условной лжи“ выработала неумолимая логика Шопенгауера. Недаромъ подъ конецъ жизни Бакунинъ восхищался Шопенгауэромъ и держалъ сочиненія его настольною книгою. Три четверти переписки своей Бакунинъ велъ по женскимъ адресамъ и псевдонимамъ (Лиза, Анна Калмыкова, синьора Антоніа и т. д.) и, въ заключеніе житейской карьеры, подписался „Матреною“—подъ обязательствомъ, выданнымъ Нечаеву подчиниться его диктатурѣ въ случаѣ, если бы даже Нечаевъ приказалъ ему дѣлать фальшивыя бумажки. Конечно,—замѣчаетъ біографъ Бакунина, М. П. Драгомановъ,—обязательство было написано только формы ради, въ примѣръ послушанія для молодыхъ революціонеровъ, и Михаилъ Александровичъ никогда не сталъ бы дѣлать фальшивыя бумажки. Вотъ тутъ опять огромная разница съ Лермонтовымъ. Этотъ, напротивъ, если бы насущное дѣло того потребовало, очень спокойно фабриковалъ бы фальшивыя бумажки, какъ его Арбенинъ велъ фальшивую игру. Но никогда не далъ бы Лермонтовъ обязательства дѣлать фальшивыя бумажки по чьему-либо приказанію, никогда не согнулся бы свою волю въ дисциплину другого, никогда не унизилъ бы себя до состоянія „Матрены“ или „Большой Лизы“. Лермонтовъ—анархистъ по аристократическому бунту выдающейся личности противъ общества, котораго она выше и горда сознаніемъ, что выше. Бакунинъ—анархистъ по демократическому сочувству, анархистъ ради общества, совершенно пренебрегающій своею природною возвышенностью надъ его уровнемъ, въ идейномъ фанатизмѣ

справедливости и равенства готовый обрубить самому себѣ ноги на прокрустовомъ ложѣ демократіи, съ котораго онъ, по огромному его росту (и тѣлесному, и духовному), не покорно торчали. Лермонтовъ родился, чтобы стать властителемъ думъ и царемъ толпы. Бакунинъ имѣлъ въ своемъ кругу капризныя диктаторскія замашки и даже бывалъ нѣсколько разъ настоящимъ политическимъ диктаторомъ,—въ Прагѣ, въ Дрезденѣ, въ женевской, какъ тогда выражались, „интернаціональѣ“. Но, въ дѣйствительности, въ натурѣ его совершенно не было дара властствовать, повелѣвать; онъ былъ только „излюбленный человѣкъ“ толпы, ея трибунъ и зеркало. Онъ принималъ каждого человѣка вровень съ собою: качество, при которомъ нельзѧть быть „повелителемъ“. У него была въ высшей степени развита способность апостола Павла—быть эллиномъ съ эллиномъ, обрѣзаннымъ съ обрѣзаннымъ, свободнымъ со свободнымъ и ропщущимъ, готовымъ освободиться, рабомъ съ угнетенными, ожидающими освобождѣнія рабами. Если онъ заставлялъ повиноваться себѣ, то отнюдь не царственными *sic volo, sic jubeo*, но силою убѣжденія, въ результатѣ бурныхъ диспутовъ, страстныхъ споровъ. Онъ не приказывалъ, а уговаривалъ,—уговаривалъ часто грубо, съ крикомъ, бранью, неистовствомъ, но, все-таки, уговаривалъ. И всѣ его распоряженія и дѣйствія не были окончательными: подлежали обжалованію, апелляціи, отмѣнѣ отъ высшихъ революціонныхъ инстанцій, которымъ онъ, когда сознавалъ себя неправымъ,—маленько побурливъ,—конфузливо и смиренно подчинялся. Таковъ, напримѣръ, въ мелочахъ,—извѣстный случай съ энтузіастомъ-офицеромъ, котораго Бакунинъ „диктаторски“ усдалъ было изъ Лондона неизвѣстно зачѣмъ въ Яссы, если бы не вступился со своимъ скептическимъ *veto* А. И. Герценъ. А въ крупномъ масштабѣ—весь импульсъ его по дѣлу польского восстанія, столь рокового для популярности „Колокола“, загубленного именно настойчивостью Бакунина, чтобы лондонская русская литературная и идеологическая революція слилась съпольскою революціей дѣйствія на Виліи и Вислѣ.

Бакунинъ, какъ живой человѣкъ живой современности, никогда не былъ пророкомъ: вѣщее свойство проникновенныхъ натуръ вродѣ Лермонтова и тѣсно прикованнаго къ нему Достоевскаго. Зато онъ былъ величайшимъ *апостоломъ* идей времени, которая онъ угадывалъ и воспринималъ

налету, задолго до другихъ. Тургеневъ,—самъ человѣкъ гораздо болѣе апостольскаго, чѣмъ пророческаго духа,—гениально изобразилъ эту сторону Бакунина въ „Рудинѣ“. Апостольскій даръ отличалъ Бакунина съ ранней юности. Въ 1836—39 годахъ, какъ послѣдовательный гегеліанецъ, путемъ дialectическихъ отвлеченій упершійся въ идею разумности всего существующаго, Бакунинъ былъ консерваторомъ и поклонникомъ деспотической монархіи Николая I-го. Извѣстно, что, стоя на такой невѣрной, зыбкой и наглядно отталкивающей почвѣ, онъ, однако, успѣлъ подчинить своему вліянію буйный и свободолюбивый умъ и талантъ В. Г. Бѣлинскаго. Пресловутая статья о „Бородинской годовщинѣ“, отъ воспоминанія о которой Бѣлинскій отплевывался до конца дней своихъ, создалась, какъ плодъ именно бакунинскаго апостольства по Гегелю. Но любопытно и то обстоятельство, что, по свидѣтельству Герцена, учитель въ этомъ случаѣ оказался слабѣе въ вѣрѣ, чѣмъ обращенный имъ ученикъ. Послѣ „Бородинской годовщины“,—пишетъ Герценъ, — „я прервалъ съ Бѣлинскимъ всѣ сношенія. Бакунинъ, хотя и спорилъ горячо, но сталъ призадумываться, его революціонный тактъ толкалъ его въ другую сторону“... Въ дальнѣйшіе житейскіе періоды, послѣ перелома своихъ мнѣній къ реалистическому мышленію и рѣзкаго обращенія съ праваго фланга къ лѣвому, Бакунинъ имѣлъ почтительно внимавшихъ ему учениковъ-товарищѣй, не менѣе сильныхъ, чѣмъ Бѣлинскій. Достаточно указать, что рѣчи и мысли Бакунина положили глубокую печать на творчество Прудона. Понятно, что рѣчь, способная покорять себѣ Бѣлинскихъ и Прудоновъ, дѣйствовала съ неотразимо побѣдною силою на умы, менѣе склонные и приспособленные къ противодѣйствію и болѣе благодарные, какъ почва, чтобы воспринимать и растить *verba magistri*. Бакунинъ остается въ исторіи русской культурной мысли, какъ величайший пропагандистъ-развиватель, державшій подъ обаяніемъ своего слова нѣсколько поколѣній русской молодежи. Этюю ролью его полонъ вдохновенный тургеневскій „Рудинѣ“, гдѣ такъ хороша эпизодическая фигура страстнаго рудинскаго послушника, учителя Басистова; гдѣ скептическій и опустившійся въ искусственное равнодушіе, будущій земецъ Лежневъ, поднимаетъ бокаль за благотворное краснорѣчіе Дмитрія Рудина, хотя его самого давно уже не любить, не уважаетъ, почти ненавидить, почти пре-

зираеть. Изъ частныхъ мемуаровъ о Бакунинѣ наиболѣе ярко, потому что всѣхъ наивнѣе, передалъ его апостольское обаяніе итальянецъ Анджело де Губернатисъ, известный литераторъ, поэтъ, историкъ литературы, нынѣ заслуженный профессоръ римскаго университета, на старости лѣтъ такъ далеко ушедшій отъ идеи своего демократического прошлаго, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ даже купилъ себѣ титулъ графа. Губернатисъ, съ простодушною злобою разочаровавшагося прозелита, признается, что Бакунинъ, что называется, обработалъ и распропагандировалъ его въ одинъ присѣсть. Одного разговора было достаточно, чтобы изъ мирно либерального буржуазнаго юноши, ненавистника конспирацій, Губернатисъ превратился въ заговорщика, члена интернаціональной революціонной организаціи и ея инструктора - пропагандиста. Губернатисъ, какъ и многіе другіе, отмѣчаетъ, что главною силою бакунинскаго обаянія было несравненное умѣніе оратора пробудить въ каждомъ человѣкѣ жгучій стыдъ за свое эгоистическое прозябаніе среди міра, страждущаго и жаждущаго помощи и обрѣтенія въ борьбѣ права своего. Человѣка охватывало отчаяніе, что онъ прожилъ на свѣтѣ столько лѣтъ, ничего не сдѣлавъ для народа, для культуры, для свободы, и онъ бросался въ учительскія объятія Бакунина, отдавая ему свою волю и требуя наставленія, куда итти и что дѣлать.

Вотъ тутъ-то, обыкновенно, начинался кризисъ, и бакунинскій авторитетъ часто спускался *a la baisse*, потому что отъ апостола ждали пророчества, религіи, а Бакунинъ не былъ, да и не имѣлъ ни малѣйшей претензіи быть, я думаю, даже и не захотѣлъ бы быть,—ни Ф. М. Достоевскимъ, ни Львомъ Толстымъ. Въ немъ рѣшительно не было склонности явиться Мессіей вѣка. Напротивъ, чѣмъ старше онъ становился, тѣмъ страстнѣе самъ искалъ Мессій, во имя которыхъ апостольствовать, и, по неразборчивости своей, принялъ было за Мессію даже Нечаева. Въ Бакунинѣ всегда жило благородное сознаніе, что онъ, можетъ быть, послѣднее слово идеи въ современности, но далеко не послѣднее во времени, въ надвигающихся возможностяхъ идеала. Онъ всегда предчувствуетъ, иной разъ даже съ чрезмѣрною скромностью, что идетъ за нимъ нѣкто, у кого онъ не достоинъ будетъ развязать ремень сапога. Его апостольскія обличенія дѣйствовали даже на Герцена и еще больше на Огарева,

хотя они оба воображали, будто изучили Бакунина, какъ свои пять пальцевъ, и—часто позволяя ему увлекать ихъ — уважали его мало, цѣнили далеко ниже достоинствъ и почитали „Большою Лизою“. Но слушать себя, а порою и слушаться „Большая Лиза“, все-таки, заставляла этихъ умныхъ, отчетливо разсуждающихъ людей, потому что въ немъ—въ Бакунинѣ—неизмѣнно слышалось кипѣніе настоящей политической страсти, заражающей, увлекательной. Художественную формулу для Бакунина, только четверть вѣка спустя по его смерти, нашелъ великий пѣвецъ нашего революціоннаго времени—Максимъ Горкій. Бакунинъ—это воплощенное „безумство храбрыхъ“, которое—„есть мудрость жизни“. Даже ближайшіе друзья, не умѣя или не хотятъ понять въ немъ генія, часто унижали Бакунина, держали его въ черномъ тѣлѣ, какъ не то сумасшедшаго, не то шарлатана. Тонъ отношеній, по письмамъ Герцену, Огарева съ одной стороны, Бакунина съ другой, почти всегда симпатичнѣе у Бакунина. Онъ удивительно прямодушно и съ видимою чувствуемою искренностью отдаетъ знаменитому дуумвирату лондонскихъ друзей своихъ всѣ литературныя преимущества и первыя почетныя мѣста. Онъ понимаетъ, что въ литературной революціи онъ не Герценъ, какъ впослѣдствіи понималъ, что въ революціи бунтарства онъ — старый революціонеръ — долженъ уступить первенство молодому Нечаеву. Повторяю: Бакунина многіе и много упрекали въ диктаторскихъ замашкахъ, но, въ дѣйствительности, вся его біографія есть приниженіе своего авторитета предъ потребностями революціоннаго дѣла. И такъ—до послѣднихъ минутъ. Извѣстно, что онъ отправился въ несчастную экспедицію—дѣлать революцію въ Болонью безъ всякой надежды на успѣхъ и съ сознаніемъ, что дѣло совсѣмъ не организовано. Но его увѣрили, что революціонный взрывъ, освященный именемъ Бакунина и,—отъ него не скрывали, да онъ и самъ очень хорошо зналъ,—вѣроятно смертью Бакунина на баррикадѣ, произведетъ громадное впечатлѣніе въ Европѣ и будетъ полезенъ международному демократическому возрожденію. И больной, едва живой, старикъ поплелся приносить себя въ жертву на улицахъ Болоньи. И то не удалось. Возстаніе отвѣло безъ расцвѣта. Въ ожиданіи сигнала, Бакунинъ напрасно сидѣлъ взаперти, въ номерѣ одной изъ мѣстныхъ гостиницъ, а потомъ, когда полиція хватилась его искать,

друзья успѣли вывезти предполагавшагося вождя своего въ вѣзь сѣна.

Несчастіе жизни Бакунина заключалось именно въ томъ условіи, что трудно апостольство безъ Мессіи, а Мессіи-то настоящаго, способнаго покорить себѣ его логическую голову, онъ никогда не имѣлъ; въ тѣхъ же, кого временно и сгоряча принималъ за Мессію, быстро и доказательно разочаровывался; и, наконецъ, былъ слишкомъ уменъ и порядоченъ, чтобы лично самозванствовать и шарлатанить, воображая Мессіею самого себя или ловко навязывая себя въ таковыя же Мессіи-аплике довѣрчивой толпѣ adeptовъ. Дебогорій-Мокріевичъ, въ своихъ запискахъ (Paris, 1894), замѣчательно ярко рисуетъ, какъ запросто, братски, сразу на „ты“ сошелся съ нимъ, готовымъ преклоняться и благоговѣть, юношою, старый, великий революціонеръ, въ первое же свиданіе ихъ въ Локарно. И деньгами подѣлился (а вѣдь самъ жилъ нищій нищимъ въ это время!), и чаю выпили вмѣстѣ неистовое количество, и шумѣлъ, и ругался, и всѣ свои тайники и подноготныя показалъ. Не умѣлъ этотъ человѣкъ играть скучно-возвышенную роль живого бога, такъ и „шѣрла“ изъ него интимная человѣчность, буршество, фамильярность, панибратство истиннаго сына земли, истиннаго человѣка толпы. Сравнительно съ доступностью и общительностью Бакунина, даже Герценъ—широкій размашистый, веселый Герценъ—оказывается не болѣе, какъ любезнымъ свѣтскимъ бариномъ и „тонкою штучкою“. Житейскія отношенія Бакунина—это цѣль молнийныхъ интимностей и столь же быстрыхъ ненавистей. При чёмъ,—надо сказать,—интимности возникали съ равнымъ пыломъ и усердіемъ обѣихъ сторонъ, а ненависти доставались, на память, одному Бакунину. Самъ онъ ненавидѣть рѣшительно не умѣлъ (говорю, конечно, о личной, а не о политической ненависти) и сказалъ въ одномъ письмѣ своемъ по истинѣ великія слова о мщеніи: „Для такого глубокаго чувства нѣтъ въ моемъ сердцѣ мѣста“. Онъ не умѣлъ создавать причины и поводы къ мести,—не умѣлъ обижаться. Одна изъ тяжело принятыхъ имъ обидъ, и все-таки не повлекла за собою разрыва, отмѣчена имъ, по крайней мѣрѣ, съ горькимъ и долго болѣніемъ чувствомъ. Это—когда лондонскіе изгнанники, не довѣряя такту Бакунина въ шведской экспедиціи, отправили контролировать его Герцена младшаго, и тотъ, со всѣмъ самодовольствомъ двадцатилѣтняго распорядителя доктрина, рѣшилъ

принялся муштровать старого революционера, какъ младшаго товарища, дѣлалъ ему начальственныя замѣчанія, указывалъ свысока его ошибки и увлеченія и т. д. Этой обиды, вызвавшей между Бакунинымъ и А. И. Герценомъ старшимъ обостренную полемику на письмахъ, Бакунинъ не могъ позабыть нѣсколько лѣтъ. Добродушный тонъ, по отношенію къ А. А. Герцену 2-му, появился у него только въ 1870 году, послѣ смерти Александра Ивановича, которая поразила Бакунина страшно. Да и тутъ осталось больше какой-то почтительной, играющей на права старчества, втайнѣ робѣющей шутливости, чѣмъ искренне теплого чувства. Такъ пишутъ къ человѣку и о человѣкѣ, съ которымъ жизнь поставила васъ въ постоянныя, близкія и наружно дружескія отношенія, но о которомъ вы навѣрное знаете, что онъ вамъ чужой и васъ не любить. И достало этого напряженного тона лишь ва очень короткое время. Отношенія между Бакунинымъ и Герценомъ младшимъ испортились окончательно, когда Ал. Ал. высказался противъ продолженія „Колокола“ въ Цюрихѣ, вполнѣ справедливо находя, что Бакунинъ, Огаревъ и Нечаевъ будутъ безсильны вести дѣло, обязанное своимъ успѣхомъ исключительно колоссальному литературному таланту самого покойнаго Александра Ивановича. Не мало горечи внесла сюда и известная исторія такъ называемаго Бахметьевскаго революціоннаго фонда, который, подъ давленіемъ Бакунина, Огаревъ выдалъ на руки Нечаеву, вопреки желанію и дурнымъ предчувствіямъ Герценовой семьи. Нечаевъ, какъ революціонеръ, былъ человѣкъ безкорыстнѣйшій и неспособный воспользоваться общественною копѣйкою для личныхъ дѣлъ, но фондъ этотъ безполезно растаялъ у него въ фантастическихъ и несимпатичныхъ предпріятіяхъ, которыми, согласно своей фантастической программѣ, сопровождалъ онъ революціонную пропаганду.

Вообще, въ семье Герцена Бакунинъ фаворомъ не пользовался. Бакунинъ чувствовалъ это очень хорошо, хотя и дѣлалъ bonne mine au mauvais jeu. Не заблуждался онъ относительно чувствъ къ нему и самого Александра Ивановича. „А пришлите мнѣ посмертную, недавно напечатанную книгу Герцена,—пишетъ Бакунинъ Огареву въ концѣ 1871 года. Непремѣнно пришли. Онъ, говорятъ, много толкуетъ и, разумѣется, съ фальшивою недоброжелательностью, кислослад-

кою симпатией обо мнѣ. Надо же мнѣ прочесть, а, пожалуй, и отвѣтить".

Наилучшимъ доказательствомъ, что Бакунинъ не только хвалился и щеголялъ великодушіемъ, выставляя себя неспособнымъ къ мщенію, является его отношеніе къ Карлу Марксу. Великій теоретикъ соціаль-демократіи переживалъ періодъ германско-націоналистическихъ пристрастій въ то самое время сороковыхъ годовъ, когда Бакунинъ пылалъ мечтами переустройства всего славянскаго міра на началахъ соціалистической федераціи. Нѣмецкая печать, даже самая передовая, и Карлъ Марксъ во главѣ ея, относились съ отвращеніемъ и ненавистью къ Пражскому славянскому съѣзду 1848 года, гдѣ Бакунинъ сыгралъ господствующую роль, и къ послѣдующей Пражской революціи, гдѣ тотъ же Бакунинъ планировалъ вооруженное сопротивленіе противъ Виндишгреца и Шварценберга. Въ слѣдующемъ 1849 году, бывшій артиллерійскій офицеръ николаевской арміи М. А. Бакунинъ оказался диктаторомъ и главнокомандующимъ революціонной защиты Дрездена: самый знаменитый актъ въ біографіи Бакунина. По взятіи Дрездена королевскими войсками, М. А. былъ схваченъ въ Хемницѣ, посаженъ въ крѣпость Кенигштейнъ, а затѣмъ выданъ саксонскимъ правительствомъ австрійскому. Оба правительства приговорили его къ смертной казни и оба помиловали, вопреки собственной волѣ Бакунина: „предпочитаю быть разстрѣляннымъ!" отвѣчалъ онъ на предложеніе подать саксонскому королю просьбу о помилованіи. Смертная казнь была замѣнена пожизненнымъ заключеніемъ въ австрійской крѣпости Ольмюцѣ. Здѣсь Бакунинъ пробылъ шесть мѣсяцевъ, прикованный къ стѣнѣ. Русское правительство потребовало его выдачи, какъ заочно осужденного эмигранта. Австрійцы обрадовались случаю отѣлиться отъ опаснаго арестанта, и въ маѣ 1841 г. Ольмюцѣ смѣнился для Бакунина Петропавловкою, потомъ Шлиссельбургомъ. Здѣсь онъ оставался до смерти Николая I. Александръ II вычеркнулъ имя Бакунина изъ своей коронаціонной амнистіи, но, склоняясь на просьбу его матери, измѣнилъ родъ наказанія: изъ Шлиссельбургской одиночки Бакунинъ былъ переброшенъ на вѣчное поселеніе въ Восточную Сибирь.

Въ это тяжелое семилѣтіе, когда жизнь Бакунина тянулась сплошнымъ мартирологомъ, группа нѣмецкихъ демо-

кратовъ, окружавшая Карла Маркса, къ сожалѣнію, вела себя по отношенію къ русскимъ революціонерамъ за границею болѣе, чѣмъ неборректно, — прямо таки враждебно и въ высшей степени коварно. Недоброжелательныя атаки выдержали и Герценъ, и Огаревъ, но самая оскорбительная и нечестная выходка русофобіи была сдѣлана Карломъ Марксомъ противъ Бакунина. Въ то время, какъ герой Праги и Дрездена послѣдовательно мучился цѣпями и цынгою въ Кенигштейнѣ, Ольмюцѣ и Шлиссельбургѣ, газета Карла Маркса распространила о немъ грязную сплетню-клевету, будто Бакунинъ былъ агентомъ-провокаторомъ русскаго правительства. Въ доказательство ссылались на какой-то, якобы компрометирующій, разговоръ о Бакунинѣ между знаменитою писательницею Жоржъ-Зандъ и Ледрю-Ролленомъ. Бакунинъ, сидя въ крѣпости, разумѣется, ничего не подозрѣвалъ, въ то время, какъ, по справедливому замѣчанію Герцена, „клевета толкала его на эшафотъ и порывала послѣднее общеніе любви между мученикомъ и сочувствующею ему массою“. Къ счастію, другу Бакунина, композитору Рейхелю, удалось разрушить гадкую сплетню, при энергичномъ содѣйствіи самой Жоржъ-Зандъ, возмущенной злоупотребленіемъ ея имени противъ Бакунина, какъ заслуженнаго революціонера и личнаго ея друга. Однако, подъ вліяніемъ все того же Маркса кружка, грязь эта вздувалась и противъ Герцена, и противъ Бакунина еще неоднократно — даже въ Лондонѣ. Въ 1869 году Бакунинъ въ письмѣ къ Герцену характеризуетъ Маркса, какъ „зачинщика и подстрекателя всѣхъ гадостей, взводимыхъ на насъ“. Впослѣдствіи, многолѣтняя вражда двухъ титановъ революціи, осложненная вмѣшательствомъ Утина, который былъ далеко не титанъ, но большой мастеръ вести партійную интригу, кончилась, какъ известно, очень печально для Бакунина: Марксъ выбросилъ его за бортъ соціалистической революціи, изгнавъ въ 1873 году изъ Интернаціонала.

Какъ же отвѣчалъ на выходки Маркса Бакунинъ? Вотъ строки того же самаго письма, въ отвѣтъ на упрекъ болѣе чуткаго къ оскорблѣніямъ Герцена, который не любилъ оставлять обидъ безъ расплаты и умѣлъ на уколъ словомъ-булавкою отвѣтить ударомъ слова-кинжалы. „Почему я пощадилъ Маркса и даже похвалилъ, назвавъ великаниемъ? По двумъ причинамъ, Герценъ. Первая причина — справедливость. Оставивъ

въ сторонѣ всѣ его гадости противъ насъ, нельзя не признать, я, по крайней мѣрѣ, не могу не признать за нимъ огромныхъ заслугъ по дѣлу соціализма, которому онъ служить умно, энергически и вѣрно вотъ ужъ скоро 25 лѣтъ и въ которомъ онъ, несомнѣнно, опередилъ насъ всѣхъ. Онъ былъ однимъ изъ первыхъ, чутъ ли не главнымъ основателемъ Интернаціонального Общества. А это въ моихъ глазахъ заслуга огромная, которую я всегда признавать буду, что бы онъ противъ насъ ни дѣлалъ". Вторая причина, выставляемая Бакунинымъ въ самозащиту отъ Герценовыхъ насмѣшекъ, относится къ области партійной полемики и тактики и дышитъ тѣмъ наивнымъ маккіавелизмомъ, въ которомъ Бакунинъ былъ такъ необычайно хитеръ и ловокъ на словахъ и такъ изумительно неуклюжъ и неудаченъ на дѣлѣ. Бѣдная „Большая Лиза!" Всякій разъ, что она начинала плутовать и талейранствовать, она немедленно попадалась на мѣстѣ преступленія самымъ позорнымъ и смѣхотворнымъ образомъ. Дипломатического таланта у Бакунина не было достаточно даже для того, чтобы выманить, по порученію Нечаева, у дочери Герцена рисунокъ для революціонной печати—мужика съ топоромъ. А въ крикливой ссорѣ Нечаева съ т-lle Герценъ, изъ-за уклончивости ея поступить въ его „русское революціонное общество“, Бакунинъ, хотя былъ всецѣло на сторонѣ Нечаева, не выдержалъ характера, когда тотъ нагрубилъ его любимицѣ Натѣ, и рѣзко оборвалъ его. Такъ было всегда и во всемъ. Бакунинъ годился на всякую политическую дѣятельность, кроме дипломатической. Онъ былъ страстный конспираторъ, но дипломатъ—никакой. Начиная уже съ того, что, по размашистой натурѣ своей, никогда не умѣлъ держать языки за зубами. Въ одномъ письмѣ 1862 года Герценъ, раздраженный польскими дѣлами, безжалостно перечисляетъ „Большой Лизѣ“ рядъ лицъ, пострадавшихъ такъ или иначе отъ нескладныхъ и разсѣянныхъ ея экспансивностей. „Большая Лиза“ была болтлива и любопытна. Герценъ, Бѣлинскій, Тургеневъ, Катковъ и др., всѣ друзья молодости, жалуются на страсть Бакунина „быть ствомъ сплетней“ (выраженіе именно Тургенева). Въ 1840 году страстишка эта довела Бакунина до весьма грязнаго столкновенія съ Катковымъ; послѣдній далъ ему пощечину, при встрѣчѣ въ квартирѣ Бѣлинского, въ Петербургѣ. Бакунинъ вызвалъ Каткова на дуэль, но по-

единокъ не состоялся потому что Бакунинъ, пофилософствовавъ, какъ Рудинъ предъ Волынцевымъ, созналъ себя неправымъ и драться не пожелалъ. Отзывы друзей о Бакунинѣ въ этомъ періодѣ его жизни ужасны. Огаревъ честитъ его „длиннымъ гадомъ“ и „подлецомъ“, Герценъ—„талантливъ, но дряннымъ человѣкомъ“, Бѣлинскій и Боткинъ—„трусомъ“ и т. д. Что Бакунинъ менѣе всего былъ трусомъ, это наглядно доказали Прага, Дрезденъ, Парижъ и Болонья. А обычная легкость его въ отношеніяхъ съ людьми сказалаась тѣмъ обстоятельствомъ, что два или три года спустя, онъ, за границею, какъ ни въ чемъ не бывало, дружески исполняетъ какія-то порученія своего недавняго оскорбителя, Каткова. Этотъ былъ человѣкъ другого закала, обидѣ не забывалъ и жажду мщенія хранилъ свято. Въ 1859 году, Бакунинъ, ссыльный въ Иркутскѣ на поселеніи, обратился къ Каткову, на правахъ слишкомъ двадцатилѣтнихъ отношеній знакомства и дружбы, съ денежною просьбою. Катковъ, конечно, отказалъ, а письмо сохранилъ и, двѣнадцать лѣтъ спустя, воспользовался имъ, въ 1870 г., чтобы обличить Бакунина грязью, какъ будто бы безчестного и наглаго попрошайку, не умѣющаго жить иначе, какъ на чужой счетъ. Злоба и мстительная радость слишкомъ ярко сквозятъ въ этомъ письмѣ, и, читая его, не за Бакунина грустно и совѣстно.

„Гамлетъ Щигровскаго уѣзда“, злая сатира Тургенева на гегеліанскую интеллигентію сороковыхъ годовъ, ядовитѣйшимъ образомъ изобличилъ пустоту, ничтожество и даже прямой вредъ для даровитой индивидуальности пресловутыхъ „кружковъ in der Stadt Moskau“. Сколько можно судить по отношеніямъ, возникавшимъ изъ нѣдръ кружковъ этихъ даже для такихъ крупныхъ людей, какъ Бѣлинскій, Бакунинъ, Грановскій, Герценъ и пр., образовательная и воспитательная польза ихъ была, дѣйствительно, съ привкусомъ большой горечи, которая рано или поздно отравляла и разрушала пылкія шиллеровскія дружбы, установляя взамѣнъ очень скептически натянутыя и подозрительныя отношенія, недалекія отъ ненависти Лежнева къ Рудину. Бакунинъ, именно какъ Рудинъ, былъ блестательный ораторъ и неудивительно, что въ „кружкѣ“, для которого краснорѣчіе есть необходимый цементъ, онъ долженъ быть играть неизмѣнно первую роль, даже въ присутствіи такихъ якихъ людей, какъ Бѣлинскій

или Герценъ. Но у него былъ и рудинскій талантъ утомлять своихъ друзей и отталкивать отъ себя порывистыми крайностями своихъ увлеченій. На зарѣ юности у Бакунина былъ такимъ „скоропалительнымъ“ другомъ и врагомъ—Бѣлинскій, на закатѣ лѣтъ—Нечаевъ. Ссоры выходили, обыкновенно, изъ-за типической русской, а въ особенности кружковой привычки—входить, что называется, въ калошахъ въ чужую душу. На этомъ построился скандалъ столкновенія между Бакунинымъ и Катковымъ. Бѣлинскій разошелся съ Бакунинымъ за властолюбивую привычку опекать его идеалистическое міровоззрѣніе и провѣрять твердость въ ономъ высокопарными гегеліанскими рѣчами.

— Любезный Бакунинъ,—однажды сказалъ ему Бѣлинскій,—о Богъ, объ искусствѣ можно разсуждать съ философской точки зренія, но о достоинствѣ холодной телятины должно говорить просто.

Ссора съ Нечаевымъ, быть можетъ, была единственою, изъ „дружескихъ“ ссоръ, въ которой не Бакунинъ былъ причиной разрыва, и твердо взялъ на себя не только его инициативу, но даже усердно писалъ письма всѣмъ друзьямъ и знакомымъ, предупреждая ихъ противъ Нечаева, какъ скоро послѣдній обнаружился предъ старымъ революціонеромъ во всю величину своего аморального фанатизма. Извѣстно, что Нечаевъ не постыдился украсть у Бакунина нѣсколько писемъ—съ цѣлью нравственно шантажировать его каким-то въ нихъ уликами... Этого поступка не вынесъ стариkъ—тѣмъ болѣе, что мы видѣли: немного раньше онъ былъ такъ влюбленъ въ Нечаева, что, не колеблясь, шелъ къ нему въ „Матрены“. И за всѣмъ тѣмъ, разочаровавшись въ своемъ „Богѣ“, какъ въ человѣкѣ, Бакунинъ не пересталъ уважать Нечаева, какъ на рѣдкость талантливаго и энергического революціонера. Его испугала и смущила огромная доля іезуитизма и червонновалетства, которою, какъ кокономъ какимъ-то, собирался обволочь революціонную агитацию Нечаевъ,—что очень тонко, къ слову сказать, подмѣтилъ за послѣднимъ, въ „Бѣсахъ“, Достоевскій. И старый Бакунинъ попытился отъ молодого Нечаева, въ суевѣрномъ испугѣ, именно какъ отъ бѣса какого-нибудь. Но и пятась, твердилъ убѣжденno, что, конечно, бѣсь—черенъ, и вязаться съ нимъ порядочному человѣку опасно и не слѣдуетъ, но—по своему бѣсовскому амплуа—онъ молодецъ, лучше чего не

найти. Нѣтъ, нѣтъ, когда Бакунинъ, въ качествѣ „Матрены“, выдавалъ Нечаеву обязательство фабриковать, по его приказанию, фальшивыя бумажки, онъ не предполагалъ, что подписывается въ этомъ документѣ программу практической работы... Кстати отмѣтимъ: когда флорентинскій посолъ русского двора Киселевъ, чтобы компрометтировать Бакунина, проживавшаго тогда въ Неаполѣ, распространилъ слухъ именно о его приосновенности къ шайкѣ фальшивомонетчиковъ, которая съ замѣчательнымъ успѣхомъ работала на югѣ Италіи и почиталась въ общественномъ мнѣніи революціонною, Бакунинъ обидѣлся жестоко и даже думалъ вызвать на дуэль неаполитанскаго префекта, маркиза Гвалтеріо: именно черезъ него шла гадкая сплетня. Революціонеръ, прошедшій отъ глубины монархическаго консерватизма всѣ стадіи освободительного ученія и движенія и увѣнчавшій свой путь торжественнымъ гимномъ анархіи, творецъ и учитель анархизма, Бакунинъ, и къ шестидесяти годамъ своимъ, не изжилъ, однако, привычекъ и взглядовъ юношескаго идеализма. Самъ себя Бакунинъ почиталъ рьянымъ и глубокимъ реалистомъ, а въ одномъ письмѣ 1869 года заявляетъ даже, что онъ не знаетъ ничего „подлѣ и грязнѣе идеалистовъ“ и, чѣмъ больше живеть, тѣмъ больше въ томъ убѣждается. Но пережитки Гегеля въ смѣси съ романтикою Шеллинга, которой Бакунинъ тоже отдалъ дань въ свое время, вспыхивали въ Бакунинѣ курьезными разладами съ дѣятельностью очень часто и непроизвольно, такъ что, по большей части, онъ ихъ самъ не замѣчалъ. Еще въ 1862 году онъ способенъ былъ блуждать цѣлую ночь съ пріятелемъ по улицамъ Парижа, разсуждая о „личномъ Богѣ“ и признаваясь, что имѣть въ душѣ вѣру къ нему... Раньше, въ гегеліанской своей молодости, онъ былъ на этотъ счетъ настолько силенъ и крѣпокъ, что Бѣлинскій приписывалъ вліянію Бакунина свою религіозность въ петербургскій періодъ своей дѣятельности. Даже въ 1870 году Бакунинъ, въ полосу большой нужды и вообще трудныхъ сбстоятельствъ, способенъ оказался прорваться, страннымъ въ устахъ революціонера и позитивиста, воскликаніемъ, что „nous avons mis notre confiance dans la Providence divine et cela nous console“. Правда, сказано это на французскомъ языке, который въ русскомъ обиходѣ Бакунинъ почиталъ признакомъ преднаренной лжи и браниль за то сентиментальная французская письма Грановскаго.

Немного русскихъ людей, работавшихъ на культурныя цѣли, умѣли обогнуть своею дѣятельностью такую колоссальную дугу идей и пройти такую длинную эволюцію соціальности, какъ выпало на долю Бакунина. Въ одномъ изъ писемъ своихъ онъ увѣряетъ, что былъ революціонеромъ съ тѣхъ поръ, какъ самъ себя помнитъ. М. П. Драгомановъ уличаетъ его: это неправда—въ 1835—1839 годахъ гегеліанецъ Бакунинъ былъ убѣжденнымъ царистомъ и вліятельнымъ пропагандистомъ царизма („Бородинская Годовщина“ Бѣлинского). Любопытно, что остатками „смутнаго царизма“ однажды, уже въ шестидесятыхъ годахъ, попрекнуль Бакунина Герценъ. Сорокъ лѣтъ спустя, когда прахъ Бакунина опустили въ могилу на кладбище въ Бернѣ, имя его было самымъ передовымъ символомъ человѣческой свободы: отъ „бакунизма“, какъ безпредѣльной воли самоуправляемой личности, какъ отъ аморфной анархіи, отстали рѣшительно всѣ либеральная, соціалистическая и революціонная ученія и партіи, да, въ большинствѣ, продолжаютъ отставать и до нашихъ дней.

Былъ ли на всемъ протяженіи этой эволюціи хоть одинъ моментъ, когда Бакунинъ кривилъ душою, былъ неискреннимъ? Ни одинъ фактъ въ его біографіи, ни единое слово въ строкахъ его сочиненій и писемъ, ни единая мысль, прозрачная между строками его интимныхъ изліяній, не даютъ намъ ни малѣйшаго права на подобная подозрѣнія. Нѣкогда Бѣлинскій упрекалъ Бакунина, что онъ любить „не людей, но идеи“. Такимъ прошелъ онъ и всю жизнь свою. У насъ въ Россіи, въ такъ называемомъ интеллигентномъ, но, въ сущности, полуобразованномъ обществѣ, слово „логика“ не въ почетѣ, пользуется страшною и черезчуръ возвышенною репутацией „сухой матеріи“ и менѣе всего способна сочетаться въ воображеніи многихъ съ такою, казалось бы, безалаберною житейски фигурую, какъ Бакунинъ. На самомъ же дѣлѣ, въ исторіи русской культуры таихимъ способности къ послѣдовательно логическому мышленію и къ логической діалектике являли собою именно фигуры, наименѣе подававшія къ тому надежды своею житейскою внѣшнностью: Бакунинъ, Владимиръ Соловьевъ. Смѣлостью логической гимнастики, охотою итти до корня и смотрѣть въ корень Бакунинъ далеко оставилъ за собою всѣ логические и діалектическіе умы современнаго ему культурнаго движенія.

Онъ быль, поистинѣ, безстрашенъ предъ лицомъ сознан-
ныхъ и провѣренныхъ логическимъ разсужденіемъ ошибокъ;
поистинѣ великъ способностью

Сжечь все, чему поклонялся,
Поклониться всему, что сжигалъ,—

какъ скоро новая ступень соціальной эволюціи открывала его неугомонно движущемуся впередъ духу,— духу Лермонтовскаго „Мцыри“, — новые горизонты съ новыми звѣздами, новыми мірами...

Драгомановъ замѣчательно удачно выбралъ свой эпиграфъ къ біографіи Бакунина—изъ письма Бѣлинскаго, отъ 7 ноября 1842 года: „Мишель во многомъ виноватъ и грѣшенъ, но въ немъ есть иѣчто, что перевѣшиваетъ всѣ его недостатки,—это вѣчно движущееся начало, лежащее въ глубинѣ его духа“. Нельзя было лучше угадать Бакунина, чѣмъ угадалъ Бѣлинскій. Бакунинъ въ теченіе всей своей жизни не зналъ минуты застоя. Онъ, въ буквальномъ смыслѣ слова, не имѣлъ времени стариться и умеръ шестидесятилѣтнимъ юношею, стоя далеко впереди не только своихъ ровесниковъ, но и многихъ преемниковъ,— „гражданиномъ грядущихъ поколѣній“. Растряявъ зубы въ шлиссельбургской цынгѣ, измученный крѣпостями и Сибирью, явился онъ, послѣ девятилѣтняго погребенія заживо, въ Лондонъ къ Герцену и Огареву и, въ революціонномъ ихъ тріо, оказался наиболѣе юнымъ, всего ближе и понятливѣе къ молодежи революціоннаго вѣка. Замѣчательно въ этомъ отношеніи письмо Бакунина къ Герцену въ 1867 году, съ о. Искіи, о брошюрѣ Серно-Соловьевича, „Unsere Angelegenheiten“, которая очень оскорбила Александра Ивановича и толкнула его къ рѣзкому и брюзжащему обобщенію, по Серно-Соловьевичу, всей революціонной молодежи. По глубинѣ мысли и чувства современности, по ясности самоопредѣленія въ дѣйствительности и прорицанія въ наступающее поколѣніе, простодушная „Большая Лиза“ оказалась гораздо сильнѣе на этотъ разъ, чѣмъ геніально-остроумный и несравненно изящный въ анализѣ текущихъ явлений знаменитый ея товарищъ. Никто изъ русскихъ дѣятелей не умѣлъ такъ свѣжо донести до могилы свою молодость, какъ Бакунинъ, никто не умѣлъ такъ тонко, глубоко и проницательно съ собою понимать молодежь (опять вспоминаю Дебого-рія Мокріевича). А отсюда слѣдуетъ и объясняется и тотъ фактъ,

что никто не умѣлъ и сильнѣе дѣйствовать на молодежь, захватывая ее подъ свое обаяніе равенствомъ старшаго, товариществовать съ нею, „приходя въ ея среду, какъ *primus inter pares*. „Другъ мой!—вырывается у Бакунина трогательное обращеніе къ Огареву въ письмѣ 1869 года,—мы старики, поэтому мы должны быть умны: у насъ нѣтъ болѣе юношескаго обаянія. Но зато есть умъ, есть опытъ, есть знаніе людей. Все это мы должны употреблять на служеніе дѣлу“. Какую мощную роль и силу выдѣлялъ Бакунинъ на долю „юношескаго обаянія“, это лучше всего показываетъ его готовность отойти на второй планъ революціи и стать въ подчиненные отношенія, какъ скоро на сцену выступилъ энергичнымъ демономъ вѣка С. Г. Нечаевъ. Бакунина часто упрекали неразборчивостью въ людяхъ. Однако, умѣлъ же онъ классифицировать свои симпатіи настолько, чтобы возложить на лоно свое молодую дѣятельную силу, какъ Нечаевъ, но болѣе чѣмъ холодно, съ яркою враждебностью встрѣтить „бабыаго пророка“, какъ звалъ онъ Утина. Къ послѣднему относится врядъ ли не самое суровое изъ всѣхъ словъ Бакунина, сказанныхъ по адресу младшихъ его двигателей революціи. „Утина надо непремѣнно уничтожить. Онъ самолюбиво злостно мѣшается во все и, сколько можетъ, мѣшаетъ всему. А у него есть деньги и бабы“. Бакунинъ—одинъ изъ немногихъ историческихъ талантовъ Россіи, умѣвшихъ до сѣдыхъ волосъ сохраниться отъ надменнаго общественнаго предразсудка, что „яйца курицу не учать“, отравившаго своимъ ядомъ послѣдніе годы даже такихъ свѣтлыхъ умовъ, какъ Герценъ и Тургеневъ, не говоря уже о сопряженныхъ съ ними *dii minores*. Напротивъ, чѣмъ старше становился Бакунинъ, тѣмъ моложе общество его окружало, тѣмъ юнѣе была его публика и товарищество. Послѣднее десятилѣтие своей жизни Бакунинъ возится почти исключительно съ юнцами, уча ихъ революціи словомъ, дѣломъ, статьями, прокламаціями, рѣчами, сочиняя кодексы и уставы новыхъ организаций, слагая международные союзы, партіи, фракціи, конспираціи. Этотъ громадный и знаменитый человѣкъ никогда не гнался за престижемъ „старшаго“ и даже съ гимназистами держалъ себя такъ, будто онъ имъ ровня. Вотъ членъ бакунинскаго символа вѣры, которымъ старики, на 56-мъ году жизни, выразилъ свои взгляды на то, какъ старое старится, а молодое растетъ. „Наша цѣль съ тобою—

революція. Зачѣмъ спрашиваешь, увидимъ ли мы ее или не увидимъ. Этого никто изъ настъ не отгадаетъ. Да вѣдь если и увидимъ, Огаревъ, намъ съ тобою немногого будетъ *личиною* утѣшенія,—другие люди, новые, сильные, молодые,—разумѣется не Утины,—сотрутъ настъ съ лица земли, сдѣлавъ настъ безполезными. Ну, мы и отдадимъ имъ тогда книги въ руки. Пусть себѣ дѣлаютъ, а мы лжемъ и заснемъ молодецкимъ сномъ непробудимъ". Бакунинъ быль великий мастеръ забывать прошлое: воистину онъ „оставлялъ мертвымъ хоронить своихъ мертвѣцовъ". Именно такъ почти словно и заключилъ Бакунинъ свою мастерскую, хотя страшно суровую, характеристику Грановскаго, въ плутарховой параллели съ Н. В. Станкевичемъ и далеко не къ выгодѣ перваго. „Передъ гигантомъ Станкевичемъ Грановскій быль изящный маленький человѣкъ, не болѣе. Я всегда чувствовалъ его тѣсноту и никогда не чувствовалъ къ нему симпатіи. Письма его насчетъ Герцена столько же глупы, сколько отвратительны. Похороните его, друзья: онъ вѣсъ не стоитъ. Будетъ одною пустою тѣнью въ памяти менѣе". Довольно равнодушный не только къ мертвѣцамъ, но и къ людямъ настоящаго, интереснымъ ему лишь постольку, по скольку они ему годились, какъ политическія орудія, Бакунинъ любилъ жить исключительно съ людьми того будущаго, на которое онъ работалъ самъ и училъ работать свою „деклассированную молодежь". Съ своей стороны молодежь крѣпко любила своего вѣчно юнаго дѣда и не выдала его памяти даже Герцену, чей очеркъ „М. А. Бакунинъ и польское дѣло", при всемъ остроуміи и вѣрности многихъ характеристическихъ чертъ, страдаетъ высокомѣріемъ тона и близорукимъ непониманіемъ европейской роли Бакунина. Герценъ — незабвенно великое имя *русской* революціи: въ ней его значеніе, по крайней мѣрѣ, непосредственное, было гораздо выше и дѣйствительнѣе бакунинскаго; но Бакунинъ принадлежитъ революціи не столько русской, сколько международно-европейской. — Ты только русскій, а я интернаціональ! — съ гордостью пишетъ онъ Огареву по поводу неудачной коммунистической революціи въ Ліонѣ, мало того затронувшей. Въ этомъ, европейскомъ своемъ значеніи, Бакунинъ, конечно, фигура несравненно болѣе крупная и, такъ сказать, болѣе историческая, чѣмъ А. И. Герценъ, хотя и превосходившій его и талантами, и литературною удачею. „Будущіе

историки революционного дела въ Россіи и Испаніи, въ Швеціи и Италіи, во Франціи, Германіи и Польшѣ найдутъ руку Бакунина повсюду. Не даромъ болѣе съдущіе реакціонеры называли его „Старцемъ Горы“, котораго воля въ одно время совершилась въ Кордовѣ и Бактрѣ“.

Въ своей знаменитой рѣчи о Пушкинѣ Достоевскій положилъ блестящее начало несолько хвастливой, но и во многомъ вѣрной, теоріи о русской „всечеловѣчности“, о космополитической способности русскихъ жить чувствами, сливаться съ интересами, ощущать біеніе общаго пульса рѣшительно со всѣми народами міра, о нашемъ таланѣ отрѣшаться отъ національности для гражданства во вселенной, о жаждѣ бѣжать отъ цивилизованной государственности въ нѣдра свободного человѣчества и т. д. О Бакунинѣ въ то время не принято было громко разговаривать, но нѣть никакого сомнѣнія, что для иллюстраціи своихъ положеній Достоевскій не могъ бы желать болѣе типической и точной фигуры всечеловѣка и странника въ мірѣ семъ, какъ великий „Старецъ Горы“. Достоевскій долго и подробно говорилъ о пушкинскомъ Алеко, неудачно ушедшемъ отъ ненавистнаго петербургскаго общества искать свободы и душевнаго мира въ цыганскомъ таборѣ. Такъ вотъ — Бакунинъ — это Алеко, которому удалось его бѣгство. Въ его письмахъ, статьяхъ и даже въ первой рѣчи о Польшѣ на парижскомъ банкетѣ 29 ноября 1847 года, стоявшей ему высылки изъ Франціи, звучать уже мотивы „скитальчества“: „Лишенніе политическихъ правъ, мы не имѣемъ даже той свободы натуральной, — патріархальной, такъ сказать, — которою пользуются народы наименѣе цивилизованные и которая позволяетъ по крайней мѣрѣ человѣку отдохнуть сердцемъ въ родной средѣ и отдаться вполнѣ инстинктамъ своего племени. Мы не имѣемъ ничего этого; никакой жестъ натуральный, никакое свободное движеніе намъ не дозволено“... Эти строки звучать, какъ прозаическое переложеніе монолога Алеко, обращенного къ новорожденному сыну, какъ риѳмованная скорбь „Измаиль-Бея“, какъ воспль плѣннаго Мцыри, что нѣть ему воли „глазами тучи слѣдить, руками молнии ловить“... Достоевскому, въ бакунинскомъ примѣрѣ, можно было бы уступить даже и ту сомнительную часть его ученія, въ которой онъ призывалъ „гордыхъ людей“ къ „смиренію“. Потому что, если бѣгство отъ цивилизаций, не удавшееся гордому Алеко, блистательно

тельно удалось Бакунину, то, конечно, въ этомъ обстоятельствѣ не малую роль сыграло именно то условіе, что Бакунинъ былъ уже нисколько не гордый человѣкъ. но, напротивъ, удивительно одареный талантомъ снисхожденія, терпимости и приспособляемости къ людямъ. Онъ умѣлъ грѣшить самъ, умѣлъ и понимать чужой грѣхъ и слабость. Здѣсь опять надо вернуться къ вопросу о неразборчивости въ выборѣ знакомыхъ и сотрудниковъ, которою такъ часто попрекалъ Бакунина Герценъ. Къ слову сказать, это — попреки, — даже въ лучшемъ случаѣ, — кривого слѣпому. Александръ Ивановичъ имѣлъ слабость почитать себя великимъ знатокомъ человѣковъ, въ дѣйствительности же, на каждомъ шагу, попадалъ впрокъ и провалы не хуже бакунинскихъ. На честности и довѣрчивости отношеній Герценъ ловился съ необычайною легкостью многими „честными Яго“. Стоитъ вспомнить его откровенности передъ Чичеринымъ, который потомъ злобно и ехидно высмѣялъ Герцена за „темпераментъ“. Блистательныя характеристики Грановского, Станкевича, Маркса, самого Герцена, Нечаева, оставленные Бакунинымъ въ письмахъ, показываютъ его не только не слѣпымъ наблюдателемъ міра сего, а, напротивъ, вдумчивымъ психологомъ-аналитикомъ, необычайно тонкимъ, острымъ и мѣткимъ. О смѣлости наблюденія нечего и говорить. Разсмотрѣть въ Грановскомъ, сквозь окружающій его розовый туманъ идолопоклонства, „изящнаго маленькаго человѣка, не болѣе“ — не въ состояніи былъ бы нравственный слѣпышъ, какимъ Герценъ изобразилъ „Большую Лизу“. Не менѣе оригинальна и замѣчательна оцѣнка Бакунинымъ декабристовъ, какъ черезчуръ превозведенныхъ репутацией страданія дворянъ-либераловъ, среди которыхъ истинно-революціонною и демократическою цѣлью задавался одинъ Пестель, за то и нелюбимый товарищами. Нѣть, людей Бакунинъ умѣлъ понимать и разбирать, но, понявъ и разобравъ, онъ не брезговалъ ими съ высоты барскаго „чистильства“; если находилъ порочныя пятна, онъ, все-таки, не питалъ предубѣжденія къ грѣшнику, потому что самъ былъ „рослый грѣшникъ“ (выраженіе Тургенева) и, собственнымъ чутью и опытомъ, зналъ слишкомъ хорошо, что тѣ грѣхи и грѣшки противъ буржуазной нравственности, которыми люди имѣютъ обыкновеніе унижать другъ друга, ни мало не препятствуютъ героямъ быть героями и мученикамъ мучениками. Въ Бакунинѣ было больше Даятона (схожаго съ нимъ

и физически), чѣмъ Робеспьера или Сенъ-Жюста. Онъ любилъ человѣка въ лучшихъ проявленіяхъ и терпѣливо закрывалъ глаза на черную половину. Любилъ дѣтей Ормузда, махнувъ рукою на частицу въ нихъ Ариманова зла. „Мрочковскій засвидѣтельствуетъ, что съ тѣхъ поръ, какъ онъ меня знаетъ, я не измѣнилъ никому, а мнѣ измѣняли часто, и что я бросалъ человѣка только тогда, когда, истощивъ всѣ зависящія отъ меня средства для того, чтобы сохранить его союзъ и дружбу, убѣжался окончательно въ невозможности ихъ сохранить. Съ Нечаевымъ я былъ долготерпѣливъ болѣе, чѣмъ съ кѣмъ-либо. Мнѣ страшно не хотѣлось разрывать съ нимъ союза, потому что этотъ человѣкъ одаренъ удивительною энергией“. И когда Нечаевъ былъ арестованъ и выданъ швейцарскими властями русскому правительству, письмо о томъ отъ Бакунина къ Огареву прозвучало, какъ мрачный реквиемъ, въ которомъ стариkъ не нашелъ для юнаго и несчастнаго врага своего ни одного злого слова и отдалъ всю должную справедливость его талантамъ и искренности. Однажды Бакунинъ упрекнулъ Герцена за „высокомѣрное, систематическое, въ лѣнивую привычку у тебя обратившееся презрѣніе къ моимъ рекомендациямъ“. Герценъ оскорбился, хотя Бакунинъ былъ правъ, а, можетъ быть, именно потому, что Бакунинъ былъ правъ. Бакунинъ извинился, сдѣлавъ только одну оговорку:

— А что еслибъ тебѣ пришлось получить всѣ записки, которыя ты мнѣ написалъ? Вѣдь ты бы давно услалъ меня въ Калькутту!

Когда вышли въ свѣтъ посмертныя сочиненія Герцена, Бакунинъ былъ уязвленъ его воспоминаніями, называлъ ихъ карикатурою и пасквилемъ. Это преувеличеніе: въ памфлете Герцена нѣтъ ничего унижающаго или оскорбительного для Бакунина, кромѣ — тона. А тонъ, дѣйствительно, жуткій, когда вспомнишь, что этими презрительными, снисходительно-насмѣшливыми нотами Герценъ ликвидировалъ отношенія тридцатилѣтней дружбы. Конечно, *amicus Plato, sed magis amica veritas*. Но и *veritas* могла бы быть высказана въ формѣ болѣе деликатной и менѣе субъективной. Бакунинъ писалъ самому Герцену гораздо болѣе суровыя строки и гораздо болѣе рѣзкимъ слогомъ (напримѣръ, о Каракозовѣ, о гибѣ Герцена на брошюру Серно-Соловьевича), но врядъ ли позволилъ бы онъ себѣ писать о Герценѣ, обращая образъ его

въ посмѣшище и игрушку толпы. Онъ былъ мягче, проще и таилъ въ сердцѣ свое мѣньше веселья, чѣмъ ироніи, неукротимый, сверкающій талантъ которой въ Герценѣ оказывался часто сильнѣе его доброй воли.

Нѣтъ, Бакунинъ не былъ ни гордымъ, ни самолюбивымъ, ни самомнѣющимъ человѣкомъ. Письма и литературные труды его превосходны стилистически. Языкъ ихъ близко напоминаетъ слогъ Лермонтова въ прозѣ. Однако, Бакунинъ далекъ отъ того, чтобы цѣнить свой литературный талантъ по достоинству. „Ты стилистъ, классикъ,—пишетъ онъ Огареву,—такъ тебѣ, пожалуй, не понравится мое писаніе...—Батюшка, Александръ Ивановичъ! будь крестнымъ отцомъ этого безобразнаго сочиненія (предполагавшійся памфлетъ противъ Маркса), его умывателемъ и устроителемъ. Издать его сдѣлалось для меня, по всему настоящему положенію, просто необходимостью. Но я не художникъ, и литературная архитектура мнѣ совсѣмъ не далась, такъ что я одинъ, пожалуй, съ задуманнымъ зданіемъ не справлюсь“...

Бываютъ люди, которыхъ частная жизнь слагается изъ преимущественныхъ чертъ—любви, болѣзни, дружбы, долга и т. д. На психологіи преобладающаго чувства строились свои грандіозные романы великий Стендаль и создалъ тѣмъ идеологическую школу беллетристики. Если разбирать послѣдовательно всю частную жизнь Бакунина, то въ ней господствующею чертою было—„быть упрекаемымъ“. Этотъ человѣкъ жилъ и работалъ вѣчно подъ Дамокловымъ мечомъ чьей-либо нотаціи—отъ своихъ и чужихъ, отъ близкихъ и далекихъ, отъ современниковъ и мемуаристовъ. Однимъ изъ нелѣпѣйшихъ, но наиболѣе частыхъ упрековъ Бакунину повторяли, что онъ не сдержалъ честнаго слова, даннаго Муравьеву-Амурскому и Корсакову—не бѣжать изъ Сибири, а сѣжать, при первой представившейся возможности. Наивность этой барской претензіи сохранять рыцарскій *point d'honneur* въ подневольныхъ условіяхъ ссылочно-поселенческихъ, въ отношеніяхъ узника къ тюремщику, возмущала еще Герцена. Онъ, въ свое время, защитилъ Бакунина въ справедливо рѣзкихъ словахъ. Но общее мнѣніе было противъ Бакунина. Даже такой умный, казалось бы, человѣкъ, какъ Кавелинъ, жаловался, что Бакунинъ „ушелъ изъ Россіи нехорошо, нечестно“. Недавно я нашелъ подобную же ламентацию въ публикуемыхъ „Русскою Мыслю“ запискахъ

А. М. Унковского. Любопытно, что и самъ Бакунинъ терзался иѣкоторое время мыслью, что „пришлось обмануть друзей“. И лишь Герценъ, съ обычнымъ ему здравомысліемъ, справедливо говорилъ:

— Экая важность, что Корсаковъ получилъ изъ-за тебя выговоръ. Очень жаль, что не два.

Масса упрековъ падаетъ на денежную безалаберность Бакунина. Дѣйствительно, должникъ онъ былъ хаотической и плательщикъ неаккуратный. Изъ всѣхъ мемуаристовъ о Бакунинѣ жалостнѣе всѣхъ плачется на этотъ порокъ соціалистъ 40-хъ годовъ, Арнольдъ Руге. Въ журналѣ его „Halle'sche Jahrbücher“ Бакунинъ напечаталъ, подъ псевдонимомъ Жюля Елизара, знаменитую статью свою „Реакція въ Германіи“, гдѣ впервые провозглашенъ былъ основной принципъ, впослѣствіи усвоенный, какъ девизъ, анархическою революціей: Страсть къ разрушенію есть вмѣстѣ съ тѣмъ и творческая страсть — Die Lust der Zerstörung ist zugleich eine schaffende Lust. Вообще, эта статья сдѣлала эру въ соціально-революціонномъ движеніи умовъ въ „молодой Германіи“, почему впослѣствіи Бакунина и величали иногда немножко преувеличеннымъ титуломъ — „отца германскаго соціализма“... Руге обожалъ Бакунина, хотя и ненавидѣлъ его славянскія симпатіи и мечтанія о всеславянской федераціи, но обожавіе не смягчало въ бѣдномъ иѣмцѣ тоски по суммамъ, которая великій революціонеръ занималъ у своего экс-редактора пудами, а выплачивалъ золотниками. Между Огаревымъ, Герценомъ и Бакуниномъ царилъ, сорокалѣтними отношеніями накопившіяся, хаось денежныхъ счетовъ. Со смертью Александра Ивановича хаось еще болѣе осложнился, такъ какъ Бакунинъ, подстрекаемый Нечаевымъ, потребовалъ отчетности по пресловутому Бахметьевскому фонду... Разумѣется, въ хватаніи денежныхъ займовъ налево и направо, въ житьѣ на чужой счетъ, въ неуплатѣ долговъ иѣть ничего хорошаго. Обѣлить эту черту въ характерѣ Бакунина невозможно. Однако — „виновенъ, но заслуживаетъ снисхожденія“. И поводъ къ таковому даетъ, прежде всего, конечно, та привычка къ кружковщинѣ, построенной на началахъ шиллеровской дружбы, которую началась и въ которой тянулась юность Бакунина, — барича, богатаго номинально и *in spe*, но фактически совершиенно нищаго. Свою поѣздку за границу Бакунинъ со-

вершилъ на счетъ кружка Герцена. Интересны мотивы, представляемые имъ для этого займа: „я жду духовнаго перерожденія и крещенія отъ этого путешествія, я чувствую въ себѣ такъ много сильной и глубокой возможности, и еще такъ мало осуществилъ, что каждая копѣйка для меня будетъ важна, какъ новое средство къ достижению моей цѣли... Беру у васъ деньги не для удовлетворенія какихъ-нибудь глупыхъ и пустыхъ фантазій, но для достижения человѣческой и единственной цѣли моей жизни... Я никогда не забуду, что, давъ мнѣ средстваѣхать за границу, вы спасли меня отъ ужаснѣйшаго несчастья, отъ постепенного опошленія. Повѣрьте, что я всѣми силами буду стараться оправдать вашу довѣренность и что я употреблю всѣ заключающіяся во мнѣ средства для того, чтобы стать живымъ, дѣйствительно духовнымъ человѣкомъ, полезнымъ не только для себя одного, но и отечеству, и всѣмъ окружающимъ меня людямъ“. О, счастливыя времена, когда россійскій интеллигентъ могъ достать денегъ у другихъ интеллигентовъ на предпріятіе „духовнаго перерожденія и крещенія“, на страховку отъ „опошленія“ и подъ единственное обеспеченіе—подъ обѣщаніе „стать духовнымъ человѣкомъ“!... Въ первомъ десятилѣтіи XX вѣка все это кажется какимъ-то миѳомъ...

Дворянскія деньги были легкія и легко перемѣщались, и счеты по нимъ были легкіе. Въ дворянской эпохѣ множество денежныхъ продѣлокъ, не позволительныхъ въ современномъ буржуазномъ обществѣ не только обычно, но и юридически, уголовно, считались не болѣе, какъ милыми товарищескими шутками... Почитайте,—первый и ближайшій общедоступный примѣръ!—хоть воспоминанія Гончарова о кредитныхъ операціяхъ симбирскаго губернатора Углицкаго, который, однако, по своему времени былъ очень порядочнымъ человѣкомъ, считался и самъ себя считалъ джентльменомъ. Легкость и двусмысленность кредита рождали и легкое и двусмысленное къ нему отношеніе... Въ этомъ случаѣ Бакунинъ былъ лишь—тиическое и балованное дитя своей родной среды.

Что касается послѣднихъ лѣтъ Бакунина, то, право, когда видишь грошевыя суммы, въ которыхъ нуждался великий революціонеръ, начинаешь негодовать не на его мѣшкотность и неаккуратность, а на милое отечество, допускающее, чтобы люди, съ заслугами Бакунина, въ шестьдесятъ

лѣтъ, послѣ столькихъ годовъ самоотверженной дѣятельности для общаго блага, дрожали, предчувствуя приходъ судебнаго пристава, не могли перѣхать въ дилижансъ изъ города въ сосѣдній городъ, за неимѣніемъ десятка свободныхъ франковъ. Что можетъ быть ужаснѣе писемъ Антони, жены Бакунина, къ Огареву изъ Локарно отъ февраля 1872 года? Это — полная нищета, съ выразительнымъ post scriptum'омъ: „простите, что посылаю письмо не франкированнымъ, въ эту минуту мы *à la lettre sans sou*“. Эхъ, русскіе люди, русскіе люди!... Кого изъ пророковъ своихъ вы не морили голодомъ, не томили нуждою, не травили собачьею, безпричинною злостью, не побивали камнями—и, когда камни ваши оставляли синяки, о комъ не говорили вы, показывая укоризненными перстами: смотрите! хорошъ вашъ святой! онъ весь—въ черныхъ пятнахъ!... Вывелъ изъ тяжелаго положенія Бакунина, конечно, не русскій капиталъ, а помощь итальянскаго почитателя, соціалиста Кафьеро. Онъ купилъ для Бакунина домикъ на Lago Maggiore и предоставилъ это жилище старику съ семьею въ пожизненное владѣніе. Что касается русскихъ, ихъ участіе къ Бакунину выразилось только тѣмъ, что его постарались разссорить съ Кафьеро, доказывая послѣднему, будто собственность въ рукахъ Бакунина недостаточно служить цѣлямъ соціальной революціи. За Бакуниномъ вѣчно всѣ считали и усчитывали его расходы, долги, обязательства и всякие минусы. А всѣ плюсы, вносившіеся имъ въ международную жизнь, принимались равнодушно и чуть не свысока, какъ нѣчто должное, какъ своего рода оброкъ, что ли. А вотъ—оборотная сторона медали: самъ Бакунинъ въ роли кредитора разсказываетъ Дебогорій-Мокріевичъ.

„Онъ потребовалъ, чтобы я непремѣнно показалъ ему свой кошелекъ. Напрасно я старался убѣдить его, что денегъ у меня достаточно и я въ нихъ не нуждаюсь. Онъ все-таки настоялъ на своемъ. До требуемаго количества не хватало тридцати съ небольшимъ франковъ.

— Я остановлюсь въ Богеміи. Тамъ у меня есть пріятели, у которыхъ я могу взять деньги, сколько понадобится, объяснилъ я.

— Ну-ну, рассказывай! возражалъ Бакунинъ. Онъ вытащилъ изъ стола небольшую деревянную коробочку, сопя, отсчиталъ тридцать съ лишнимъ франковъ и передалъ мнѣ.

Мнѣ было очень неловко принимать эти деньги, однако, я былъ принужденъ ихъ взять.

— Хорошо, по пріѣздѣ въ Россію я вышлю, проговорилъ я.

Но Бакунинъ только сопѣлъ и, глядя на меня, улыбался.

— Кому? Мнѣ выплещь? спросилъ, наконецъ, онъ, потомъ добавилъ:—это я даю тебѣ не свои деньги.

— Кому же ихъ переслать, въ такомъ случаѣ?

— Большой ты собственникъ! Да отдай ихъ на русскія дѣла, если уже хочешь непремѣнно отдать“.

Эта сцена произошла при первомъ знакомствѣ Бакунина съ Дебогоріемъ-Мокріевичемъ и въ томъ самомъ году, когда Антони Бакунина посыпала письма нефранкированными, будучи *sans sou à la lettre*. Любопытная подробность одной изъ такой посылокъ: 14 ноября 1871 года Бакунинъ пишетъ Огареву: „Второй день, какъ перестали ъсть мясо и скоро останемся безъ свѣчей и безъ дровъ... Пожалуйста, не говори объ этомъ, чтобы Женева не заболтала... Не франкирую этого письма, а письмо къ О-ову ты передай. Онъ такой же нищій, какъ и я,—значить, нефранкированныхъ писемъ ему посыпать нельзя“. Подумать только, что Бакунинъ не имѣлъ возможности выписывать необходимыхъ ему политическихъ газетъ и просилъ Герцена не обращать использованныхъ журналовъ на какое-нибудь „неприличное употребленіе“, но присыпать ему, Бакунину!.. Всѣ такія подробности упизительной нужды буржуазное общество забыло о Бакунинѣ, но грошевые долги Бакунина помнить крѣпко, вмѣстѣ съ анекдотами о неимовѣрномъ количествѣ чая, который поглощалъ Михаилъ Александровичъ. Чаепїца онъ былъ, дѣйствительно, ужасающій, и его *post scriptum*’ы о присыпкѣ чая въ письмахъ къ Огареву — поистинѣ, комическій элементъ въ тяжелой житейской драмѣ. И каждый *post scriptum* непремѣнно, съ достоинствомъ, требуетъ, чтобы чай былъ высланъ наложнымъ платежомъ, *contre remboursement*, хотя Огаревъ неизмѣнно посыпалъ чайное сокровище въ подарокъ, зная, что, при наложномъ платежѣ, Бакунинъ никогда не справится съ деньгами, чтобы выкупить пакетъ съ почты. Бакунинъ, опять-таки съ неизмѣннымъ достоинствомъ, пріятно удивлялся подарку своего „Аги“, а, письма черезъ два, снова взывалъ: пришли два фунта чаю *contre remboursement*.

семент... Въ этомъ, конечно, много „Большой Лизы!“ Но улыбка, возбуждаемая чайными томлениями Бакунина, быстро гаснетъ. Ее убиваетъ опять то же самое соображеніе: однако, этотъ шестидесятилѣтній стариkъ, отдавшій дѣлу русской и европейской свободы сорокъ лѣтъ жизни, пожертвовавшій революціи всѣми буржуазными благами, состояніемъ, сословіемъ, положеніемъ, родиною, на старости лѣтъ оставленъ былъ признательными соотечественниками въ такомъ блестящемъ положеніи, что долженъ былъ побираться у пріятелей даже для возможности обеспечить себѣ необходимый при умственной работе студенческій стаканъ чаю!.. Нѣтъ, повторяю еще разъ: когда изучаешь „смѣшныя“ и „порочныя“ стороны Бакунина, не за Бакунина становится стыдно и обидно,—его только жаль безконечно, со всѣмъ его огромнымъ удачнымъ ребячествомъ, взрослымъ дѣствомъ геніальной натуры, беспомощнымъ богатырствомъ и богатырскою беспомощностью. Его только жаль, а негодованіе и отвращеніе достаются русскому образованному обществу, что губило, губить и долго еще губить будетъ такихъ Бакуниныхъ своимъ равнодушнымъ предательствомъ: въ мирѣ — нуждою безъ отзыва, помощи и кредита, а на войнѣ — фразистымъ революціонерствомъ въ перчаткахъ, за декламаціей и послулами котораго таится пустота повалленаго гроба, пустота—хоть шаромъ покати. Бакунинъ умеръ въ Бернѣ, въ нѣмецкой свободолюбивой семье знаменитаго физіолога Фохта, на рукахъ послѣдняго своего ученика и друга, итальянскаго чернорабочаго, зарыть въ швейцарскую землю, и нѣмка Рейхель, видѣвшая въ немъ идеаль человѣка, приняла на себя заботы о его могилѣ... Такимъ образомъ, и кончина его вышла такою же международною, какъ вся жизнь. Что касается родины, она отозвалась на смерть Бакунина лишь нѣсколькими скверными некрологическими анекдотами, утверждавшими уже распространенные о немъ лжи и съявившими новые, скверные клеветы. Положительное отношеніе къ памяти Бакунина спотыкалось о высокій порогъ цензуры; честная печать молчала съ завязаннымъ ртомъ, безчестная бахвалилась, будто она съ Бакунинымъ никогда серьезно не считалась, не питала къ нему никакого уваженія (какъ, яко бы, она уважала Герцена), ругалась и пыталась представить глазамъ общества великаго трибуна — сегодня мошенникомъ, завтра — сумасшедшімъ, а послѣ—

завтра — не то юродивымъ, не то просто какимъ-то шутомъ отъ революціи. Подобною раскраскою бакунинской репутациі занимались не одни Катковы,—не удерживался отъ соблазна, даже при жизни М. А.—напримѣръ, и глава славянофильства, И. С. Аксаковъ, печально оправдавъ скептическую прозорливость о немъ Бакунина въ старинной полемикѣ шестидесятыхъ годовъ. Только въ послѣдніе годы, когда революціонная вѣянія хоть немного ослабили узы русской книжѣ, стала возможна реабилитація Бакунина и безпристрастная критическая оцѣнка его могучей фигуры и дѣятельности. Да и то, драгомановская біографія Бакунина (далеко не снисходительная къ покойному революціонеру!), равно какъ и собраніе писемъ его, недавно подверглись конфискації за строки, касающіяся императора Александра II...

Я далекъ отъ самонадѣянной мысли, что мой бѣглый очеркъ явится апологіей, вносящею новые взгляды на личность Бакунина, и освѣтить во весь ростъ его гигантскую историческую роль. Для этого слѣдовало бы сдѣлать обширное изслѣдованіе демократической бакунинской доктрины, съ ея послѣдовательнымъ ростомъ отъ Гегеля къ позитивистамъ, отъ оправданія николаевщины къ философскимъ мыслямъ Жюля Елизара, сложившимъ compendium германской соціальной революціи, отъ національ-соціалистическихъ тенденцій къ бѣшеной враждѣ съ государственнымъ соціализмъ, отъ расового феодализма къ интернаціонализму, отъ Маркса къ бунтарству и анархическому „творчеству разрушеніемъ“. Заглавіе моего очерка показываетъ, что я имѣль въ виду говорить съ публикою о Бакунинѣ, а не о бакунизмѣ. Эту вторую задачу я постараюсь исполнить отдельно. Въ этомъ же первомъ наброскѣ я старался лишь обрисовать фигуру Бакунина, какъ представителя того могучаго духа, того святого беспокойства, избранные носители которыхъ, задыхаясь въ тѣсныхъ русскихъ рамкахъ,—искони привыкли либо расшибать свои удалыя головы о желѣзныя рѣшетки, либо, прорвавшись сквозь ихъ сѣть, изъ полона на волю, превращаться въ гражданъ всего міра, дѣлать исторію всего міра, становиться необходимыми всему міру. Бакунинъ — сѣдовласый Мцыри, познавшій мучительный восторгъ революціонной бури; Бакунинъ — Стенька Разинъ, предложенный Европѣ въ перелицовѣ на западные нравы и въ переводѣ на языкъ германской философіи; Бакунинъ, гегеліанскій гелертеръ,

кончившій жизнь отрицаніемъ науки, если она — не наука бунта и топора,—несомнѣнно самый типический и грозный изъ всѣхъ русскихъ буревѣстниковъ, свиставшихъ своими черными крылами надъ буржуазною Европою XIX вѣка. Бакунинъ сдѣлалъ въ этой буржуазной Европѣ нѣсколько революцій, правда разрѣшившихся лишь въ буржуазныхъ же демократіи, но сами революціонеры, въ рядахъ которыхъ онъ былъ солдатомъ или вождемъ, боялись его, чувствуя въ немъ существо иной силы и высшаго бурнаго духа. Извѣстна фраза Коссидьера, парижскаго революціоннаго префекта въ 1848 году, что Бакунинъ неоцѣнимъ въ первый день революціи, а во второй день его надо разстрѣлять. Герценъ, отъ имени Бакунина, острѣль, что Коссидьерь тоже человѣкъ неоцѣнимый для революціи—только его слѣдуетъ разстрѣлять наканунѣ ея первого дня. Нѣмцы, не исключая геніального Маркса, не исключая влюбленнаго въ Бакунина Руге,—въ лучшемъ случаѣ, — терпѣли русскаго революціонера черезъ силу, въ большинствѣ же откровенно его ненавидѣли и, въ концѣ концовъ,—мы говорили уже,—по докладу Утина, выжили и выгнали „Старца Горы“ изъ Интернаціонала. Но любопытно, что изгнавъ Бакунина, — притомъ съ большимъ трудомъ, при рѣзкомъ протестѣ весьма численнаго большинства, образовавшаго затѣмъ Юрскую Конфедерацию,— выгнавъ Бакунина, Интернаціональ и самъ не замедлилъ распасться и разложиться, точно онъ утратилъ свой природный символъ, свою международную душу. Русскіе революціонеры-западники, лондонскіе изгнаники, тоже боялись Бакунина. Огаревъ понималъ его лучше и любилъ больше, но Герценъ, чѣмъ дальше жилъ, тѣмъ дальше и подозрительнѣе отходилъ отъ Бакунина. Его умѣренному полу-соціалистическому міровоззрѣнію и эстетической натурѣ культурнаго западника (по воспитанію и образу жизни, — въ образѣ же мыслей Герцена мелькали часто, если не славянофильскія, то во всякомъ случаѣ славистскія настроенія) — была прямо антипатична, подозрительна, быть можетъ, даже втайнѣ страшна буря бакунинскаго *Sturm und Drang'a*. Вѣдь Бакунинъ, какъ смерчъ разрушительный, объявлялъ войну уже не династіямъ, не сословіямъ, не классамъ, но всему двадцативѣковому складу европейской цивилизаціи. Польскіе революціонеры, за дѣло которыхъ Бакунинъ стоялъ горою, ради которыхъ онъ увлекъ Герцена и Огарева въ агитацію,

погубившую и распространеніе „Колокола“, пришли въ ужасъ, прислушавшись къ неутомимой логикѣ крайностей, какъ излагалъ имъ Бакунинъ собственное ихъ будущее, во время шведской экспедиціи. Домонтовичъ открыто заявилъ, что, если надо выбирать между императорскимъ правительствомъ и тѣми демократическими формами, въ какихъ стремятся возстановить самостоятельность Польши ея русскіе друзья, съ Бакунинымъ во главѣ, то онъ высказывается за сохраненія деспотизма. Потому что,—говорили шляхтичи,—деспотизму когда-нибудь конецъ будетъ, и тогда мы устроимся, какъ намъ надо, а вашъ перестрой народъ взять назадъ уже не позволить. Такимъ образомъ, мы видимъ, что Бакунинъ въ активной революціи былъ, въ сущности, совершенно одинокъ и, въ полномъ смыслѣ слова, одинъ въ полѣ воинъ. Быть можетъ, одиночество и придавало ему, какъ Ибсенову Штокману, ту сокрушающую силу, что была неотъемлемымъ и основнымъ признакомъ его революціоннаго апостольства. Свободный и одинокій, ринулся онъ—„буревѣстникъ, черной молніи подобный“—въ жизнь, требующую перестроя, и прошелъ ее, какъ ниспровѣргающій смерть. Есть люди, для кого всякое настоящее міра тѣсно, какъ тюрьма. Бакунинъ, по смерчевой натурѣ своей, самый яркій и могущественный примѣръ ихъ, ломающихъ тѣсное настоящее для просторнаго будущаго. Онъ задыхался въ Россіи,—бросился въ славянство,—тѣсно стало въ славянскихъ рамкахъ,—понесся смерчомъ по германской демократіи,—поднялъ вихри Лиона, Барселоны и Болоньи,—мало! мало!—буйство фантазіи и неукротимый энтузіазмъ убѣжденія громоздятъ предъ пимъ видѣніе международной анархіи, идеаль безгосударственнаго свободнаго, индивидуалистического самоуправленія, апокалипсисъ человѣка, восторжествовавшаго надъ проклятиемъ первороднаго грѣха, побѣдившаго рабскій трудъ въ потѣ лица, упразднившаго терніи и волчцы, насмѣшило обѣщанные человѣчеству, вместо хлѣба...

— Скажи, Бакунинъ, спросилъ однажды Рейхель, — ну, а если исполнится все, чего мы съ тобою желаемъ, что же—тогда?

— Тогда?

Бакунинъ нахмурился.

— Тогда я опрокину все... и начнемъ съ знова!

За подлинность этого разговора трудно ручаться. Мо-

жетъ быть, онъ плодъ легенды, но не невѣроятенъ и въ дѣйствительности. По крайней мѣрѣ, онъ вполнѣ въ духѣ Бакунина и хорошо выражаетъ вихрь, его одухотворявшій. Разбивать и опрокидывать—природа смерчей и вихрей. Они не могутъ не разбивать, должны опрокидывать, пока не разбоятся и не опрокинутся сами. И, конечно, Бакунинъ — этотъ Фаустъ революціи—не остановился бы, удовлетворенный, ни на одномъ изъ ея существующихъ мгновеній. Строя новый міръ разрушеніемъ старого, онъ шелъ бы — да и шелъ — все впередъ и впередъ, пока не встрѣтилъ на пути роковую соперницу своему смерчу — еще болѣе могучую обновительницу міра, еще болѣе неутомимую строительницу разрушеніемъ, — Смерть. Словно завидуя славѣ Бакунина, она не дала ему чести погибнуть въ бою на болонской баррикадѣ. 6-го іюля 1876 года она подкралась къ нему, какъ разбойникъ, задушила и опрокинула въ бернскую могилу.

Александръ Амфитеатровъ.

Montreux.
1906. IX. 3.